

МАРК ПЕЙЗЕЛЬ

О ТВОРЧЕСТВЕ ЭЛЬЧИНА

БАКУ - 2009

Составитель: Нинель Гинзбург

Редактор: Марина Али-заде

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТКРЫТИЯ

К выходу в свет сборника статей М.И.Пейзеля, посвященных творчеству Эльчина

Когда я узнала, что в Баку – в моем родном городе – готовится к печати книга – статьи незабвенного Марка Пейзеля о творчестве любимого мною писателя Эльчина, всю душу мою захлестнула, если можно так сказать, какая-то счастливая ностальгия...

Марк Исаевич Пейзель был моим родственником с материнской стороны, и в то же время был близким другом моего отца, Самуила Самойловича Губермана, известного бакинского педагога, и я вспоминаю, как дядя Марек (так я его называла) приходил к нам, как они с папой сидели за маленьким столиком на нашем балконе с видом на набережный бульвар, пили чай, иногда коньяк «Ширван», который любил дядя Марек, и говорили о разном – о жизни, о политике, о спорте (бакинцы моего и предыдущего поколения наверняка помнят блестящие футбольные обозрения Пейзеля!), и, конечно же, о литературе.

Вот, тогда-то – в начале 70-х годов – я, студентка филологического факультета, впервые услышала о молодом писателе Эльчине, о котором дядя Марек – человек очень начитанный и с широким кругозором – говорил с восхищением. Он высоко ценил то, что у этого молодого писателя сочетается, с одной стороны, ум с талантом, а с другой стороны, национально-восточные художественно-эстетические традиции с духовными ценностями Запада.

Дядя Марек хорошо знал мировую, в том числе и русскую классическую литературу. Он знал и азербайджанскую классическую литературу, читал и перечитывал М.Ф.Ахундова, Дж.Мамедкулизаде, М.А.Сабира, Г.Джавида. Его не очень-то интересовала современная литература, то есть «актуальная» литература XX века, может потому, что он сам по своему внутреннему миру, по складу характера был, скорее, человеком XIX века. Но как-то получилось так, что он заметил первые же публикации Эльчина, которые заинтриговали его, и он стал пристально, как умел это делать, следить за развитием творчества молодого писателя.

Дядя Марек был талантливым и профессиональным литературным критиком. Его статьи о новых произведениях Василия Гроссмана, Эммануила Казакевича, Юрия Казакова, Юрия Трифонова и других русских писателей советского периода отличались независимой авторской позицией (это в советские-то времена!). Но сам он считал себя просто журналистом. Помню, как он улыбался и, лукаво глядя из-за толстых стекол своих старомодных очков, говорил мне: «Я, просто журналист. Хотя журналистов

«просто» не бывает. Журналист бывает или хороший, или плохой. Я, Ася, видимо, все же, хороший журналист. А?...»

Эльчин был из тех писателей – ярких «шестидесятников», которые после первых же своих публикаций приобрели известность. Уже с начала 70-х годов он был очень популярен среди читателей, особенно среди молодежи, которая не воспринимала «образцов социалистического реализма».

Новизна художественной поэтики Эльчина, его неповторимый стиль, содержащий в себе тонкий психологизм и, не побоюсь этого слова – изящный юмор, умение увидеть необыкновенное в обыкновенном, мастерское владение описываемой ситуацией, его пренебрежительное отношение к канонам социалистического реализма – все эти качества сделали Эльчина элитарным автором. В моей библиотеке есть книга известного русского критика Льва Аннинского «Контакты», изданная в 1982-м году в Москве, где он в статье, посвященной творчеству Эльчина, пишет: «Эльчин любит чудеса, он легкий и добрый сказочник, он грустный волшебник, он импрессионист, предпочитающий мерцающие, золотистые, серебристые краски...» (стр.252).

Рассказы и повести, а позже и романы Эльчина на русском языке, а так же его блестящие статьи, посвященные проблемам литературы, печатались не только в Баку, но и в Москве, в таких «тяжеловесных» литературных печатных органах, как «Литературная газета», в журналах «Юность», «Дружба народов», «Смена», «Вопросы литературы», «Литературное обозрение». И мы, студенты-филологи, да и не только филологи, искали, находили, читали, передавали друг другу эти номера.

А «Махмуд и Мариам» в начале 1980-х годов произвел самый настоящий фурор, и я хорошо помню, с каким восторгом дядя Марек говорил об этом романе. Он считал «Махмуда и Мариам» шедевром не только современной азербайджанской, но и современной мировой литературы. И он поражался, как чиновники из Главлита – советской цензуры – умудрились не запретить публикацию этого романа, где страницы, посвященные темным временам средневековья, иной раз так прозрачно проецировались на советскую действительность.

Я, став уже преподавателем литературы, была буквально влюблена в этот роман, и однажды у нас дома, отдав книгу «Махмуд и Мариам», изданную на русском языке дяде Мареку, попросила его, чтоб он взял для меня автограф у Эльчина. Я знала, что к тому времени между ними сложились хорошие, взаимоуважительные отношения, но дядя Марек неожиданно отказал мне:

- Ты же уже учительница. Тем более, учительница литературы! Иди в Союз писателей, сама и возьми у него автограф!

Я решила так и сделать.

Но первый раз не посмела одна пойти в Союз писателей, попросила Дину Тумаркину, актрису Театра Русской Драмы, которая была знакома с

Эльчином, пойти со мной. И мы вместе с Диной явились в Союз писателей к Эльчину. Он тогда работал секретарем Союза писателей.

Пишу эти строки в далеком от родного Баку Тель-Авиве, и перед глазами стоит молодой Эльчин – красивый мужчина, модно и в меру нарочито-небрежно одетый, хорошо говорящий на русском языке, но с каким-то теплым акцентом, вежливый, интеллигентный, и вместе с тем сразу же чувствовалось, что он – человек с характером. Наверное, интересно то, что, хотя мы позже тоже встречались, он сейчас вспоминается мне именно таким, каким я видела его в первый раз.

Тогда он написал мне автограф: «Агнессе Губерман – на память от автора. 13 мая 1985 г.».

Позже я узнала, что оказывается этот день – день рождения Эльчина.

То издание «Махмуда и Мариам» 1985-го года и сегодня на книжной полке в моей тель-авивской квартире. Мои дети читали эту книгу, а теперь – читают внуки... Надеюсь, что и они сохранят эту изумительную книгу для своих внуков.

В те далекие 1970-е годы дядя Марек предсказывал большое писательское будущее Эльчину, и его предсказания сбылись: после «Махмуда и Мариам» появился «Белый верблюд», позже «Смертный приговор» - роман, который дядя Марек считал «тяжелой артиллерией» творчества Эльчина.

Эти произведения сделали Эльчина одним из крупнейших представителей современной литературы.

Я уже более 20-ти лет живу вдалеке, но по возможности стараюсь не терять связи с Баку, с Азербайджаном и знаю, что последние годы Эльчин пишет пьесы, которые пользуются большим успехом у зрителей и в Азербайджане, и за рубежом.

Я радуюсь творческим успехам любимого писателя, но жаль, что дядя Марек – этот добрый, очень порядочный, колоритнейший человек не может так же радоваться успехам писателя, которого он так высоко ценил.

В начале 1990-х годов дядя Марек вынужден был по семейным обстоятельствам переехать на Дальний Восток, в город Благовещенск, в Амурской области, где жил и работал в редакции местной газеты и через несколько лет скончался в этом чужом городе.

И как прекрасно, что в его родном городе – в Баку издается книга Марка Пейзеля о творчестве Эльчина – писателя, которого он когда-то открыл для себя, для меня и моей семьи, и для многих-многих других.

Теперь, с изданием книги незабвенного Марка Исаевича, могу с уверенностью сказать, что открытие Эльчина продолжается для новых поколений читателей, еще не успевших причаститься к его волшебному творчеству.

Агнесса ГУБЕРМАН
Тель-Авив
8 сентября 2009 г.

СТАТЪИ

НАШИ ЗЕМЛЯКИ

Если бы я был сибиряком или жил, скажем, в Пензе, то прочитав «Серебристый фургон» Эльчина (шестая книжка «Юности», за 1977 год), захотел бы, во что бы то ни стало, приехать сюда, на каспийский берег, в апшеронские поселки, чтобы глотнуть свежего морского ветра, пройтись темной южной ночью босым по влажному песку пляжа, поджарить хлеб на шершавых плоскостях Янаргая – монолитной скалы, излучающей жаркое тепло. Самое же главное, поспешил бы я сюда, чтобы познакомиться с людьми поразительной душевной ясности и чистоты – с Мамедагой, настоящим мужчиной, сильным и справедливым, с Месмеханум, которая, кажется, вобрала в себя всю доброту и нежность земли, с человеком долга и чести, милиционером Сафаром.

Я знаю, мы подружились бы с Мамедагой и в тихие, душные ночи где-нибудь на окраине Фатмаи повели бы неторопливый разговор о людях квартала, в котором родился он и вырос, о добрейшей Сакине хале, о том, как дружно, словно одной семьей, живут тут. А Сафару предложил бы, как другу – давай махнем к тебе в горы, в родной твой Лачин, и я ведь много слышал о целительной силе воды ее горных ключей, и мне не терпится вместе с тобой усесться у самовара и выпить ни много, ни мало – двадцать стаканов твоего чая цвета петушиного гребешка, какого нигде больше нет на земле. А с Месмеханум у меня был бы особый разговор, деликатный, не для чужих ушей, – только я и Месмеханум. Она больше всех пришлась мне по душе, я даже полюбил ее как отец, как брат. И как хочу я счастья дочке своей молодой, так хочу, чтоб расцвела любовью душа Месмеханум, и поэтому решил бы дать ей один, всего один совет...

Но нет, не сибиряк я, и не житель Пензы. Я бакинец. И тоже влюблен в свой город, в апшеронскую вольную степь. Знаю, какое это наслаждение: темной ночью босым идти по влажному, теплему песку, а потом войти в море, погрузившееся в дрему, пройти мель первую, вторую, и поплыть, поплыть к мерцающим звездам на горизонте, ни о чем не раздумывая, потеряв себя в этой безбрежной стихии моря.

Не сибиряк я, и поэтому иные красоты повести, иная нравственная глубина ее потрясли мне душу больше, чем сложный рисунок поэтических гравюр Эльчина. Мне не надо искать дружбы с Мамедагой, ведь он давно дружен с сыном моим и вхож в наш дом. А с Сафаром мы постоянно сражаемся в нарды, впрочем, какие это сраженья, когда урон терпит одна только сторона, не будем уточнять какая, а романтик Сафар всякий раз великодушно успокаивает меня – ничего, не волнуйся, эти зары, эта собачья кость, прости, завтра обязательно принесут тебе выигрыш. И не нужно мне давать советов Месмеханум, у нас с ней обо всем уже переговорено. Они ведь соседи мои, Мамедага, Месмеханум и Сафар; и золотого Агадаша я знаю, и много, много раз встречался с Нерсесом Вартановичем, и Мирзоппа, к сожалению, знаком мне, они все вокруг нас; потому-то так

заинтересованно, с таким волнением читаю и про них, что схватил, кажется, писатель самую их суть, заглянул в тайники их души и рассказал мне не только то, о чем я знаю, но и о том, о чем мог только догадываться.

Неторопливо ведет свой рассказ писатель. Какая-то ненароком оброненная фраза вызывает вдруг воспоминания, они как будто не имеют прямого отношения к разворачивающимся событиям, но это не так – связь тут прочная, внутренняя, лирические отступления эти составляют сердцевину повествования, в них, если хотите, и заключена «взрывная» сила «Серебристого фургона». Поясню цитатой из повести: «...В квартале, где жил Мамедага, тоже были такие «путешественники». Это были люди, приехавшие из районов. Приезжих называли по местности, из которой они прибыли: карабахские, гянджинские, шемахинские; любопытно, что приезжие между собой тоже не сближались, словно между ними проходили невидимые границы их районов... Окончивший еще до революции Харьковский университет преподаватель русского языка Алхасбек говорил:

- Сынок, что за слова такие: «карабахские», «бакинские»? Что за «чушки» и «хамшари»? Как не стыдно? Зачем вы друг другу ярлыки приклеиваете, зачем проявляете друг к другу такое неуважение?..»

И правда, зачем?

Нет, далеко не все обычаи и традиции улицы, вырослившей Мамедагу, по душе писателю, и если есть за что упрекнуть ему Месмеханум, то за ее покорность, но выступает он не как прокурор, и даже не как хирург, верящий только во всемогущий скальпель, а как терапевт, познавший гуманную силу щадящего лечения.

Вас никогда не поражало, что утром у многих женщин в трамвае, автобусе, на работе грустные глаза и отрешенные лица? Может, оттого это, что до полуночи ожидали они мужей своих, а потом, как Месмеханум Мирзоппу, втаскивали пьяными на кровать, сносили ругательства и побои? Я повторяю врезавшуюся мне когда-то мысль из книги: почему это судьба посылает хорошим и добрым женщинам мерзавцев-мужей, а благородным мужчинам исчадия ада в облике женщин? Ну-ну, не надо роптать на судьбу, так бывает далеко не всегда, но с Месмеханум случилось же. И только ли с ней?

Нет, скажите, почему бы Эльчину не повернуть все дело так, чтобы одно большое счастье пришлось на двоих – Мамедагу и Месмеханум? Очевидно, нельзя; перо художника, как стрелка компаса, повернута всегда в сторону правды. Художник знает: чадра уже никогда не закроет лица Месмеханум, окончила она школу, работает, а беспокойно у нее на душе – слишком много испытаний досталось на ее долю, уж очень часто судьба расставляет на пути ее ловушки.

Но писатель верит в счастливую судьбу своих героев. Для него ведь они олицетворяют не просто человечность и доброту, а нравственную стойкость народа, силу его духа, связь с родной землей. Мир грез Месмеханум причудливо соединил в себе волшебную игру звезд и конфетную красоту арабских фильмов, тоску по человеческому теплу и

ожидание встречи с истинным счастьем. А душу грубо оскорбляли охочие до «клубнички» Агададаши, старые, немощные селадоны Нерсесы Вартановичи, а детство оставило в памяти совсем несправедную жизнь матери Гюльдасты. А под конец – Мирзоппа, надругательства над чувствами, побои. Но прошла эти круги житейского ада Месмеханум такой же непорочной, ничем не запятнанной, какой вошла в жизнь. Не обозлилась, не согнулась. И вот эта чудесная, целомудренная ночь наяву с мужчиной из волшебных грез – чем все это кончится? Трудно сказать. Одно только ясно: с Мирзоппой встретится теперь совсем-совсем другая Месмеханум, прозревшая что ли, очнувшаяся от долгого летаргического сна. Может быть, более земная, но и более решительная, и в обиду себя, так хочется в это верить, уже не даст. Что же касается Мамедаги и Сафара, то за них беспокоиться нечего, они с пути своего не свернут.

Это правда, герои у Эльчина чуть-чуть розоваты, а антигерои написаны только одной краской – черной. Но ведь все события случились одной сказочной ночью и ведь рассказ пишется в известной степени сказочным...

Закрываешь книгу с грустью. Так всегда бывает, когда приходится расставаться с хорошими и добрыми людьми, вошедшими в твою жизнь. Но почему расставаться? Они ж соседи мои, знакомые, они рядом. И чувство искреннего восхищения ими сохранится надолго. И гордости – это мои же земляки, бакинцы. А золотой Агададаш не в счет, ну, какой он, к черту, земляк наш. Да и получил он свое сполна...

* * *

У Эльчина свой голос, своя тема. Пишет он прозой нервной и, хотя мягка она тональностью своей и нетороплива, в ней явственно чувствуется и боль, и беспокойная мысль писателя. И проблемы, которые подняты в «Серебристом фургоне», давно уже волнуют многих.

Повезло Эльчину, а еще больше русскому читателю, что перевел повесть с азербайджанского Генрих Митин так, словно написана она была по-русски. Точность попадания тут максимальная, и это при необыкновенном такте, чувстве меры и хорошем вкусе. Дух подлинника передан с необыкновенной бережностью, так и чувствуешь интонации речи героев, движения души и мысли; это работа не копииста, а настоящего мастера.

1977 г.

ЧИТАТЬ В СЕРДЦЕ

Читатель, очевидно, найдет в героине повести Эльчина «Серебристый фургон» черты характера, которые роднят ее с шолоховской Аксиньей, с Настенной из романа «Живи и помни» Распутина, с женщинами поразительного мужества и долготерпенья, ожившими под пером Василия Шукшина. Но эти свойства натуры узнаешь и в других женщинах, которые нас окружают, - в сестрах наших, в соседках, сотрудницах. Может, только на долю Месмеханум выпало больше свинцовых мерзостей и меньше человеческих радостей. Судьба вроде бы пустила в ход все свои ухищрения, чтобы изломать девушке жизнь: мать ее, тоже порядком хлебнувшая горя и унижений, дочери своей, увы, хорошего примера подать не могла, в пути Месмеханум ожидали ловкие любители насчет клубнички да лихоимцы, в мужья достался ей совсем уж ничтожный человек – пьяница, хулиган и бездельник. Было, согласитесь, от чего сделаться сердцу каменным. А оно, наперекор всему, осталось просветленным, не вошла в него злоба и зависть.

И писатель не властен над судьбами своих героев, что уж тут говорить о читателе. А если по-другому? Я первым поспешил бы навстречу этой чистой и непорочной душе с помощью и советом. Чтобы не ушел из жизни вовсе этот скромный и ласковый пришелец из другого, пока еще незнакомого ей мира – ясного и справедливого. И повторилась волшебная ночь их знакомства и чудес у скалы Янаргая, вошли бы в ее саднящее от обид и несправедливостей сердце мир и спокойствие, какие она заслужила. Хорошо бы! Да вот, боюсь, что судьба устроит все не так, у жизни ведь свои законы...

Налет голубизны несколько размыл образ Мамедаги и помешал его достоверности, хотя многие страницы, посвященные ему, правдивы и трогательны. Мамедаге поменьше бы только овалов в характере, да чуть побольше углов. А вот Месмеханум целиком из жизни. Со своей неизбывной тоской по счастью и настоящей любви, хоть грезы ее и рождены ирреальностью арабских фильмов. Со своей покорностью судьбе, которую ей словно по генетическому коду передали все предшествующие поколения женщин. И одновременно яростной силой противостояния всему тому тяжелому и смутному, что нацелилось против нее и уродует жизнь. Это образ противоречивый и сложный, в нем заложено то самое единство противоположностей, та естественность и непредвиденность поступков, которые отличают невыдуманный персонаж от фигуры, созданной писательским произволом, и поэтому он представляется самым цельным и глубоким из тех, что написаны Эльчином.

Откуда, например, в ней эти всплески ярости и затмения, ведь от природы она сдержанна, даже замкнута? Все правда, да жизнь научила пускать в ход зубы и кулаки. И когда Месмеханум, точь-в-точь, как заправская «аясыз», наскакивает на милиционера Сафара, и грозитя расправиться с ним, и когда, презрев стыд, показывает незнакомому ей человеку прекрасную наготу свою с отметинами пудовых кулачищ Мирзоппы, надо вспомнить все разом – и бедность, в которой она выросла, и

домогательства «золотого» Агададаша, и ночи ожиданий пьяного мужа – ну, сами посудите, как тут в чувствах своих будешь застегнутой на все пуговицы и ни разу не взбунтуешься?

Если это справедливо, что писателю дано читать в душе человека, то Эльчину лучше всего удастся читать в сердце добром. Два года назад, после того, как в «Юности» была опубликована повесть «Серебристый фургон», в мою жизнь вошел, как откровение художника, как его боль и озарение, образ Месмеханум. А теперь, после московского сборника, я записал себе в друзья и Керим-киши, старого нефтяника, доживающего на покое свой век.

Сама по себе история о том, как Керим-киши в страшную пургу, тайком от всех домашних, отправился на дачу, чтобы спасти собаку, непритязательна даже традиционна, вот ведь и в «Дубровском» разбойник рискнул жизнью, спасал кошку в горящем доме. Но рассказ этот с подтекстом и заставляет о многом поразмыслить. Например, о том, почему это никому из большой семьи уста Керима, ни сыну его, ни невестке, ни внукам и в голову не пришло решиться на поступок естественный и человеческий, какой сделал этот старый и уже немощный человек? А вот товарищи по работе, те, кто вместе с ним когда-то поднимали нефтяную целину, вряд ли испытали бы удивление, вряд ли посчитали это стариковской блажью. И они ведь поступили бы точно так же, и в буран, и в пекло, да пусть хоть земля трясется, все равно сделали бы то, что требует совесть. Может, от того и планета наша держится, и род людской, несмотря ни на что, сохраняется, что есть среди нас такие люди, как Керим-киши, которые способны начисто забыть о себе, но всегда помнят о тех, кто их окружает, о своем долге и ответственности перед ними.

Традиционность формы рассказа «В снегу» несколько не повредила остроте мысли, неожиданному повороту темы: при известной скупости изобразительных средств, на небольшой, в сущности, книжной «площади» Эльчин развертывает напряженное действие. И в этом рассказе, и в «Первой любви Балададаша», а еще в большей степени в «Навесе» и «Смоковнице» писатель выступает как незаурядный мастер портрета. Это ведь действительно искусство представить читателю своего героя так, чтобы ты услышал интонации его голоса, увидел натруженные, в переплетеньях мускулов руки, почувствовал движение души. Удивительная штука, читаешь и тотчас же находишь сходство их с людьми, которые тебя окружают. Керим-киши? Да ведь он как две капли воды похож на моего соседа, пенсионера. А отец моего друга точь-в-точь как старый и мудрый Алиаббас-киши, тоже никак не угомонится, руки все ищут работы. А Зибейда, сладкоречивая, бесшабашная Зибейда, прошедшая огонь, воду и медные трубы? Всю жизнь искала выгод, все хотела получить даром, не тратя жара души своей, и оказалась в конце концов у разбитого корыта. Поразительной точности портрет!

Свидетельством зрелости Эльчина служит и то, как он умело управляет эмоциями читателя, заставляя его сопереживать.

Каждое утро к Керим-киши приходила его соседка, чтобы побрить. Старая, одинокая женщина, эвакуированная в годы войны в Баку из Киева, где фашисты убили мужа и сына. Грустную улыбку вызовут слова о том, что Рахиль Хаимовна была, наверное, единственным в мире парикмахером, у которого остался один-единственный клиент. В финале рассказа эта мысль будет повторена, но уже окрашенная в трагические тона: «И если бы Керим-киши смог бы увидеть в зеркале глаза Рахиль Хаимовны, он понял бы, что старая женщина плачет. Потому, что несчастен тот парикмахер, от которого уходит его последний и единственный клиент». И на сердце от этих слов станет горько...

Ответного читательского чувства не может не вызвать и тема непонятости человека, живущего в окружении людей и тем не менее одинокого. Обыватель, мещанин не поймет метаний Сабира Меликова. Кандидат искусствоведения имеет красивую и умную жену, ребенка, обеспечен, занимает видное положение – какого ж еще рожна ему вроде бы надо? С жиру что ли бесится? Нет, не с жиру, а от того, что чувствует вокруг себя пустоту, непонимание, раскол произошел в семье, ушла любовь...

Даже при современных темпах жилищного строительства не сегодня и не завтра еще уйдут в небытие вот эти старые районы городской застройки с их запутанной сеткой улиц и улочек, маленькими домиками с внутренним двориком и бесчисленным множеством пристроек, где все живут открыто, ничего не тая друг от друга, словно напоказ. Многие ждут не дождутся, когда их переселят во вместительные квартиры больших домов, где есть все условия комфорта современного города.

Но вот парадокс, есть такие, и их совсем немало, что прикипели душой к этому быту и этим отношениям, когда общими не только для отдельно взятого дома, а для всей улицы становятся и радость, и горе одной семьи. Эльчину похоже тоже по душе этот быт и эти отношения. Люди в его рассказах и повестях живут тут раскованней, естественней, чем в бетонных коробках со всеми их преимуществами – горячей водой, ванной и туалетом, они не знают одиночества и тоски, в них, если хотите, от этого и сердечности больше, и доброты, и интереса к жизни.

Мысль весьма спорная, этот налет ностальгии с патриархальным подтекстом чуть-чуть, наверное, мешает объективному взгляду и справедливым оценкам. И все-таки, когда писатель рассказывает о своих героях и о жизни этих улиц, улочек и кварталов, он очень убедителен, у него находится немало доводов, которые действуют неотразимо, и мы невольно проникаемся его настроениями. Мне хочется привести здесь один отрывок из «Серебристого фургона», он очень емко и точно выражает эту авторскую тенденцию.

«Приезжал в Баку, Мамедага ставил фургон у своего дома колесами на тротуар, и тут же со всего квартала сбегались к нему ребяташки. И никто из них не подозревал, что в свое время и Мамедага так же вот прыгал перед машинами, останавливающимися в квартале, хотя машины эти, полуторки и виллисы, по сравнению с его алюминиевым фургоном, были все равно, что

старый барабан рядом с новой нагарой. Первым делом Мамедага шел в Желтую баню, где начинал с терщика Джабара. Натеревшись как следует, он двигался в парную, там парился в свое удовольствие, а выйдя из бани, выпивал кружку холодного пива в будке Асадуллы. Дома надевал чистую рубашку, новый костюм, повязывал галстук и шел на улицу к тутовому дереву, что растет в начале тупика. Там к нему подходили товарищи, соседи по кварталу, здоровались, спрашивали, как дела, рассказывали Мамедаге все новости: кто обручен, какую девушку согласились выдать замуж, кто поменял работу, кто поругался с соседями, кто с кем помирился и кто на кого обиделся. Но о главных новостях он узнавал еще дома. Когда его приглашали на свадьбу, то пригласительный билет вручали Сакине-хала. Мамедага всегда старался так распределить свое время, чтобы суметь прийти на свадьбу, иначе тут же начинались пересуды, чего Мамедага крайне не любил. Когда же все-таки прийти не было совсем никакой возможности, он заранее приносил свой подарок и поздравления. Оставаясь в Баку каждое воскресенье, он то ходил на поминки и выражал соболезнование, то приносил извинения. В квартале все любили Мамедагу, а молодые его уважали. Мнение квартала было единодушным: «Мамедага – настоящий мужчина!»

Живут тут люди без червоточинки в сердце, и никакая чертовщина в прямом и переносном смысле не вмешивается в их судьбы, и не происходят с ними загадочные события в стиле повестей Гоголя и Э.-Т. – А.Гофмана, как в «Чудесах в почтовом отделении» и «Изменении». Эти произведения, как и «Медвежонок», как и «Поезд. Пикассо. Латур. 1968» представляют собой философские раздумья о человеке, оставшемся наедине со своими мыслями в каменных громадах современного города, о том, как важно ему найти путь к людям, раскрыть им свое сердце, проявить доброту. Тема эта очень модна в литературе – на Западе, да и у нас...

Сборник «Серебристый фургон»* подобрал в себя лучшие повести и рассказы, написанные Эльчином в последние годы. Он очень емко по мысли, этот сборник, хоть невелик размерами, по нему можно судить о становлении художника, о том, как крепнет его голос и уверенней становится рука, как эскизность первоначальных зарисовок уступает место полотнам с развернутым действием, яркими портретами, философскими обобщениями.

Эльчин нашел путь к читателю – это видно по тому обостренному интересу, который проявляет читающая публика к его произведениям и по тому, какое внимание встречает писатель в журналах и издательствах, охотно печатающих его повести и рассказы, и рецензии на них. Читатель поверил в Эльчина как художника богатых возможностей, он ждет от него новых произведений, в которых современность и современники предстанут перед нами во весь рост, во всем своем многообразии и сложности.

1979 г.

* Эльчин. Серебристый фургон, Москва, «Советский писатель», 1978.

ЛИЧНЫЙ МОТИВ ПИСАТЕЛЯ

О новом сборнике рассказов и повестей Эльчина «Смоковница»

Новый сборник Эльчина «Смоковница»*, выпущенный в свет в конце прошлого года «Библиотекой журнала «Дружба народов», включает в основном повести и рассказы, уже известные русскому читателю по прежним публикациям, в частности, сборнику «Серебристый фургон». Повести «Серебристый фургон», «Смоковница» и «Чудеса в почтовом отделении», как и рассказы «Первая любовь Балададаша», «Напротив старой мечети» и «Шушу окутал туман», прочитаны, оценены читающей публикой, о них высказала свое суждение пресса. Другое дело «Кумган» (на языке первоисточника, азербайджанском, называется «Долча»). Отрывки из этой повести, правда, были в свое время напечатаны в русском переводе газетой «Баку», потом полностью в журнале «Юность»** и вот теперь она появилась в рецензируемом сборнике, поэтому разговор на сей раз пойдет главным образом о ней. Тем более, что, судя по всему, произведение это для Эльчина этапное, в нем сильней всего проявились социальные, эстетические, нравственные взгляды писателя.

В конце сборника помещено послесловие, написанное видным московским писателем и публицистом Львом Аннинским. «Маленькая птичка на алмазной горе», так называется статья, придает всему сборнику особую ценность. Написана она мастером формы, очень емка по мысли, ее большое достоинство в том, что творчество Эльчина рассматривается в связи с развитием прозы в Азербайджане и братских республиках в течение последних двух десятилетий. «Рассказы Эльчина, - пишет Л. Аннинский, - это психологические этюды, словно написанные акварелью по грубому натуральному холсту. Можно увидеть в них влияние поздних русских классиков, в частности, Чехова и Бунина; может – воздействие русских писателей двадцатых и тридцатых годов, может быть Зощенко и Булгаков: мечта и быт, тончайшие оттенки по грубому грунту, чертовщина, возникающие на этом контрасте. Русскому читателю эти аналогии бесполезны, потому что помогают воспринять стиль Эльчина, но, конечно, генезис этого стиля надо определять из более близких ему сфер. Надо искать азербайджанскому послевоенному поколению, вошедшему в сознательную жизнь в пятидесятые, а в литературу в шестидесятые годы, соответствующие параллели в братских литературах». И.Л. Аннинский называет русскую «исповедальную» повесть, литовскую школу «подводного видения», «лабораторную прозу» эстонцев, прозу грузинских «шестидесятников».

* Эльчин. Смоковница, Москва, «Известия», 1981.

** 1981, № 8.

Автор предисловия доказательно подчеркивает особенности и общие черты творчества Эльчина и большой группы азербайджанских прозаиков – Акрама Айлисли, Максуда и Рустама Ибрагимбековых, Анара, Исы Гусейнова, Чингиза Гусейнова. И приходит к выводу, что есть своя прелесть, своя подкупающая нота в его прозе. Есть в ней возвышенное, воспарение, очищение от повседневного. И есть поэзия – поэзия многолюдных кварталов, где в послевоенные годы колобродили голодные, едва выжившие, осиротевшие бакинские ребята – те самые, которые теперь выросли...

Мне вместе с тем представляется, что подчеркивая одну особенность прозы Эльчина – ее романтическую приподнятость, психологизм, умение подметить едва заметное движение души, Л. Аннинский почти не касается другой стороны его творчества – социальной, нравственной. Может, оттого известной однобокостью, ограниченностью отличаются характеристики Зубейды («Смоковница»), Мирзоппы («Серебристый фургон»), а такая колоритная фигура, как Керим-киши («В снегу»), очень важная для понимания Эльчина, природы его симпатий и антипатий, национальной самобытности, вовсе выпадает из поля зрения критика. А ведь ценность произведений писателя, то, что как раз больше всего и привлекает в нем читателя, главным образом состоит в этой очень стройной системе взглядов – каким должен быть человек сегодня, каких придерживаться принципов, как жить. И уж совсем непонятно, почему никак не отозвался автор предисловия на повесть «Кумган» – самую значительную в этом сборнике, в которой с большой силой проявились критическая направленность творчества писателя, его неприятие лжи, бездуховности.

История, рассказанная в «Кумгане» началась с того, что Агабаджи, мать большого семейства (три сына и шесть дочерей, да ожидался еще один ребенок), стала уговаривать мужа Агабабу сдать на лето внаем комнату дачникам. Сопrotивлялся Агабаба, не хотел – водитель автобуса он, руки, ноги есть, голова тоже, да что он не в состоянии заработать на семью. И что еще за квартиранты попадутся, есть среди них такие, что хлопот потом не оберешься. Уговорила все-таки Агабаджи. Дети ведь подрастают, расходы большие, а денег в обрез. Уговорила себе на голову. Жизнь в доме с той поры пошла вкривь и вкось. Дачники, Агабаба словно в воду глядел, оказались людьми беспокойными; день-деньской бездельничали, слонялись из угла в угол, крутили пластинки. Сын Башир муэллима и Амины ханум Адиль сдавал экзамены в вуз, но это так говорилось – сдавал, на самом деле место там ему покупалось. В город и обратно постоянно сновали «Жигули», привозили и отвозили нужных гостей, рекой лился коньяк, над дачей стоял нескончаемый чад от жарившегося мяса, а в часы относительного затишья, когда Башир муэллим с чадом своим отбывал в город, на даче появлялся друг дома Калантар муэллим, крадучись пробирался по лестнице наверх, к Амине ханум, и дверь запиралась.

Все это делалось без особого стеснения, сладкая жизнь дачников была напоказ, они даже бравировали – вот так надо устраиваться, вот как теперь следует всем жить.

Чтобы лучше понять истоки вспыхнувшей ненависти хозяев дома к этой теплой компании, надо учесть, что семья Агабабы жила по иным нравственным меркам, здесь были святы такие понятия, как честь, достоинство, чистота отношений, незыблемость семейных устоев. Эльчин с огромной симпатией рассказывает об этой семье, о милых его сердцу порядках и установлениях в ней, и мне хочется в связи с этим в качестве примера привести отрывок из письма одного из братьев Агагюля, которое он прислал из армии.

«...Нухбала, наставлял своего младшего брата Агагюль, ты теперь у нас в доме единственный брат (Балададаш тоже служил в эту пору в армии. М.П.), и ты теперь должен сделать так, чтобы никто не втоптал в грязь и мою, и нашего старшего брата Балададаша папаху, присматривай за девочками, ты теперь должен сделать так, чтобы они были достойными девочками, как наша мама Агабаджи – достойная женщина...

...Нухбала, ты теперь должен помогать нашему отцу Агабабе, потому что содержать такую семью очень трудно, но к тому же наш Агабаба – настоящий мужчина...

...Нухбала, когда человек далеко, он о многом думает. Когда вернусь, я тоже должен засучить рукава, начать зарабатывать деньги, потому что мы должны выдать замуж наших девочек достойно нашего имени...».

Чуть-чуть наивно? Не скажите. Агагюль вел с младшим братом мужской разговор, это ведь тоже в традициях семьи, где старшего надо уважать и слушать. Нухбала еще малыш, несмышлениш, Агагюль – мужчина, знает свое место в семье, чувствует ответственность. И работать будет, можете не сомневаться, не воляня, и семью создаст крепкую, детей воспитает, как положено. Хорошо бы, конечно, пойти ему в вуз, добрый бы стал инженер или врач, но куда там – место застолбили для Адила. Как вы понимаете, письмо одного и вся кутерьма с другим поставлены писателем рядом с целью совершенно определенной, и выводы напрашиваются сами собой.

Вообще, надо сказать, что ни в каком другом произведении Эльчина тенденция не была обнажена так явно, так открыто, как в этом: писатель вообще в своих рассказах, повестях редко прибегал к категорическим суждениям, оценкам, там чаще всего используются полутона, легкая ирония. В «Кумгане» Эльчин проявил себя незаурядным мастером сатиры, его критические стрелы обладают прямо-таки убойной силой, и тут впору сказать о личном писательском мотиве, о том, что как гражданин и художник он не может принять этот антимир дачников, все их свинцовые мерзости.

В конце письма, выдержки из которого были приведены выше, Агагюль особенно просил своего младшего братика Нухбалу не забывать Кумгана. Семья Агабалы состояла, как вы помните, из одиннадцати человек, но был в ней и двенадцатый член – пес Кумган. Умный, преданный, его любила вся семья, и он был привязан к каждому. Жил Кумган, как и положено ему, в конуре, питался, чем бог послал, точнее, что оставалось с хозяйского стола, и не тужил, и был доволен. Дачников, как все в доме, не

терпел – суматошные люди, крикливые, неопрятные. А угостили колбасой, и он собачьей башкой своей сообразил, что колбаса это вещь. И отборные куски шашлыка тоже. Да ни одна собака в Бузовнах не ставилась на такое довольствие. Никого в доме Агабабы не прельстили «Жигули», коньяк, обилие жареного мяса, в семье Агабабы были люди гордые и знающие себе цену. А Кумган не устоял, сработала шашлычная наживка. В том ведь и опасность баширмуэллимов, что тлетворным духом своим отравляют они все вокруг, кто, скажите, поручится, что вслед за Кумганом жертвой их не станет в другой раз Нухбала, например, или кто-нибудь из его сестер. Маленькие ведь, еще неопытные.

Встретились лицом к лицу дачники и сельчане. Любви у них не получилось и дружбы тоже. Несовместимость? Да, наверное. Живут они, так объяснил писатель, по разным нравственным принципам. Сам по себе случай, рассказанный в «Кумгане», еще не дает повода для широких обобщений. Но если вспомнить «Серебристый фургон», «Первую любовь Балададаша», даже «Ходят по земле поезда...», то приходишь к выводу, что Эльчин вообще не очень-то жалуется город, село с его крепкими моральными устоями, способностью быть верным традициям, пользуется у него гораздо большими симпатиями. Здесь люди и честней, и откровенней, и живут больше сердцем, чем расчетом. Такая тенденция в той или иной форме, впрочем, проявляется и в творчестве многих наших современников, В.Шукшина, В.Солоухина, например, но это, мягко выражаясь, спорно. У села и своих нравственных проблем немало, азербайджанское село в этом смысле не представляет исключение, да и сам Эльчин, с достаточной откровенностью рассказывает об антигероях, возвращенных на сельской ниве. Впрочем, сейчас вообще трудно объективно судить о городском жителе без учета того, что за последнее десятилетие города вобрали в себя миллионы людей из села, которые непосредственно участвовали в формировании характера, скажем, москвичей, киевлян или бакинцев.

Талант Эльчина окреп, теперь уже можно безо всякой натяжки сказать, что в литературе утвердился еще один большой и яркий писатель со своей темой, со своим почерком, которому есть что сказать читателю. Очевидно, вместе со зрелостью должна прийти и пора дерзаний, когда впору взяться за литературное полотно крупного масштаба с широкой панорамой жизни – за роман.

1982 г.

БРЕМЯ СТРАСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

*О новом романе Эльчина «Махмуд и Мариам»**

Одежды этого романа исторические. События в нем помечены XVI веком, происходят они, главным образом, в Гяндже, столице обширного Карабахского бейлярбекства. Сходятся грудь с грудью войска враждующих сторон, плетутся нити дворцовых заговоров, под покровом ночи свершаются убийства и перевороты; жестоки и кровавы правители, лстива и жадна челядь: не только смелого шага, но и свободной мысли не скроешь от соглядатаев-шпионов, их так много, что заплечных дел мастерам приходится работать в поте лица. Произвол, лихоимство, интриги, предательство – неправда ли, узнаваема эта картина по историческим романам, хроникам, исследованиям, фильмам. Традиционно и название романа – «Махмуд и Мариам». Как «Адам и Ева». Как великое множество сказаний, легенд, дастанов о влюбленных, о том, какие испытания судьба и люди воздвигали на их пути. «Лейли и Меджнун», «Ромео и Джульетта», «Герман и Доротея», «Тахир и Зухра», «Дафнис и Хлоя»... И, конечно же, «Асли и Керем», чудеснейшая сказка, с ней «Махмуд и Мариам» своими истоками связан больше всего. Трагическая любовь героев этого произведения имеет много общих черт с судьбой Асли и Керема.

Но даже при всем этом средневековом антураже, при колоритных сценах кровавых сражений, дворцовых ритуалов, поэтических меджлисов, сценах, отличающихся и достоверностью, и красочностью, вряд ли можно роман безоговорочно отнести к историческому жанру. Тут история сама по себе не более, чем фон. Это скорей роман идей. Идей, мыслей, обращенных не столько в далекое прошлое, сколько в день сегодняшней, в наше бурное и переменчивое время с его катаклизмами. Острый взгляд в XVI век писателя восьмидесятых годов двадцатого столетия.

Может показаться анахронизмом, что художник в наши дни обратился к теме, которая вроде бы себя полностью исчерпала в творениях великих предков. Но в том-то и дело, что не исчерпала, не может себя исчерпать; и в двадцать первом веке, а, может, и в двадцать пятом, даже в условиях иных формаций, жизнь не сумеет снять все эти вечные проблемы. История любви двух юных сердец, непорочных и чистых, которых повергли в трепет при первом же столкновении с реалиями мира свинцовые мерзости жизни, позволила художнику нащупать, обнажить болевые точки нашего бытия, высказать суждения по поводу многих сложнейших явлений, которые, быть может, сегодня, сейчас больше всего и бередают раны человеческой души. И воздвигли препоны на его пути к свободе, к счастью, к тому, чтоб был он

* Эльчин. Махмуд и Мариам, «Литературный Азербайджан», 1984, № 10-11.

понят и сумел понять других. Писатель судит своих героев и время, когда они жили, по высшим нравственным меркам своего времени, и в том нет никакого авторского произвола, никакого насилия над историей. Они первыми сказали «а», они посеяли злаки, которые проросли в будущие века, в одном случае дали добрые всходы и послужили человеку на пользу, а в другом оказались плевелами и стали средством его уничтожения, обернулись для народов трагедией. Это очень сильная сторона романа; что его философия, авторские тенденции переданы не декларативно, убеждает сама внутренняя логика событий, диалектика поведения героев романа.

...После долгих мытарств по дорогам страны, козней врагов, после того, как они счастливо избежали множество опасностей, каждая из которых могла стать роковой, Махмуд и Мариам оказались в Эрзеруме во дворце Сулеймана-паши. Наконец-то, как плата за страдания и боль, влюбленные обрели друг друга, пришел миг и их счастья, но почему и теперь не излучают радость глаза Махмуда, почему не благодарностью и признательностью, а жалостью к избавителю и благодетелю своему переполнено сердце юноши? Может, от того это, что видит он дальше и чувствует глубже других? И в блеске и великолепии дворца Сулеймана-паши увидел мишуру, а в нем самом, при всей кажущейся широте натуры, образованности, силе воли, даже доброте, всего-навсего своевольного тирана.

Сулейман-паша – натура противоречивая, сложная. Вынести ему обвинительный вердикт совсем непросто. По-своему, это патриот, он больно переживает то, что народ его разобщен, а продажные правители ведут братоубийственные войны, хотя надо было всем давно уже объединиться. Нет еще беды в том, что ерзерумский правитель мечтает о государстве спартанского типа. Но мы, люди двадцатого века, знаем, испытали на себе, чем обернулись для народов, для всего человечества мысли о превосходстве одной расы над другой и о том, что в силу этого избранная раса может повелевать всеми остальными, сделать их рабами. Это – фашизм, обыкновенный фашизм со всеми своими атрибутами, когда, заботясь о чистоте крови, кастрируют больных, запрещают жить родившимся калеками, приговаривают к смерти сумашедших, слабоумных. Где будут жечь книги, и начнут с тех, в которых возвеличены доброта, любовь, гуманность. Знакомая картина – костры из книг, и шабаш мракобесов, продолжается это и в наши дни, адреса известны, так что тенденция не абстрактна, мы совершенно отчетливо понимаем, за что Эльчин ратует и против чего сражается. Не возникает у нас сомнений и насчет того, чем это кончится. Пророчески звучат строки о том, что Сулейман-паша, истративший жизнь в мелких схватках, в последней мелкой схватке был предан и смертельно ранен, и даже самые близкие ему люди, уставшие от бесконечно мелких войн, от изводивших их пустых мыслей и слов, уйдут с поля боя, оставив там безвременно состарившегося, проведшего жизнь на поле Сулеймана...

«Махмуд и Мариам» - жестокий роман. И не только потому, что в нем много убийств, глумления над человеком, трагических событий, одна история горного села, как погибла семья Азера и Айсули, все двенадцать их

детей, чего стоит. Бредут по дорогам бейлярбекства тысячи неприкаянных, потерявших опору в жизни «шатунов», смерть витает над полями брани, земледельцы не возделывают ниву, сама жизнь человека, достоинство человека потеряли всякую ценность. Как не прийти в отчаяние? От многих страниц этого романа веет холодом пессимизма.

Правители правителями, им вынесла свой приговор история, но мы-то, люди, хороши. Это ведь и от нас зло, от того, что несовершенны наши натуры, не вытравили мы из душ своих злобность, зависть, жестокость, жадность, и эти «милые» свойства, как «переходящие остатки» в бухгалтерских книгах, мы тащим за собой из века в век. Наводит на грустные размышления, например, что ни один из персонажей романа (Махмуд и Мариам не в счет), не чувствуют угрызений совести, не казнят себя за предательство, святотатство, измену любви, лицемерие, и только Сафи, наставник и друг Махмуда, спустя долгие годы после того, как оставил его в беде, решил замолотить свой грех.

Да, тяжело бремя страстей человеческих, и это вызывает в писательской душе тревогу и боль, они передаются и нам, читателям. Совсем неспроста ведь всю книгу пронизывает призыв художника объявить войну религиозному фанатизму.

Вообще мотивы богоборчества занимают в мыслях, умонастроениях художника важное место, а сцена, когда Махмуд увидел горы трупов в Чалдыранской степи, потрясает. Тогда-то впервые Махмуд задался вопросом: почему аллах все это терпит? Извечный вопрос, он волновал человека и до него, и после, и даже костры инквизиции, и пытки в застенках не помешали миллионам людей решить его в пользу разума.

Устами Махмуда, писательской страстью развенчивается сама идея божественного начала, и это тоже имеет свой подтекст. Да, это правда, на дворе век атома и покорения космоса, да, мы живем в эпоху величайших человеческих откровений в науке, но ведь именно в наше время мир стал свидетелем яростных атак на разум, и разуму, прогрессу, как это ни парадоксально, пришлось на каких-то участках фронта даже отступить.

Может, именно поэтому при раскрытии этой темы с такой большой публицистической силой звучит голос писателя, так активна, наступательна его позиция. Многозначительна, полна глубокого смысла вся история Святого Старца и Святой Обители. Ведь именно сюда в поисках спасения, обретения истины и спешил Хмурый Пастырь Святая же обитель оказалась местом заброшенным, обветшавшим, а старый отшельник человеком, который после долгих десятилетий умертвления плоти и молитв, обращенных к богу, понял, что ошибался, что мир с его радостями человеческого общения, любовью, лесами, горами, птицами, несравненно лучше, выше, чем бог, если он вообще существует. И пришел к той совершенно естественной мысли, что великий грешник тот, кто не может увидеть простой красоты мира, кто не ценит дары земли – еду, питье, женскую ласку; грешен тот, кто отворачивается от них и превращает дни

свои в бессмысленную и однообразную пустыню, кто душил и убивает свои чувства.

Сохраняя традиционные каноны дастана о любви и в то же время притчи, роман Эльчина своим содержанием, проблематикой как бы взрывает устоявшиеся формы. Рассказ о том, как посещает Махмуда и Мариам любовь, как сразу же захватывает их целиком, составляют самые лучшие, самые сильные в художественном смысле страницы произведения. Они служат своеобразной антитезой, при всей своей трагической окраске, эпизодов, связанных с шатунами, с гибелью некогда счастливого села и чалдыранской битвой. Любовь эта земная, чувственная и в то же время чистая, целомудренная. Но и тут Эльчин находит свой поворот темы, свою проекцию в современность. Мир, в котором властвует дух наживы, где правят бал фанатики веры, такой мир неизбежно ополчается, не может по зловещей природе своей не ополчиться против человека, значит, и любви. Против любви – война, расизм; любовь окрыляет, зовет к свободе, потому силы ада и стараются укротить крылья любви. И трагедия Махмуда и Мариам как бы запрограммирована самим жестоким временем своим.

Наверное, каждый писатель, прежде чем с кончика его пера сойдет первая фраза будущего сочинения, задумывается: во имя чего он затевает новый свой труд и обращает голос к людям? Мне представляется, что Эльчином владела мысль ожесточить читательские души против мракобесия и религиозного изуверства, против тлетворного духа шовинизма, предательства. И во имя любви, которая пробуждает в сердце Человека самые возвышенные чувства.

1985 г.

ДВЕ ИПОСТАСИ ПИСАТЕЛЯ

Одной из примет времени гласности стала ситуация, когда видный писатель, чьи книги ожидают читатели, вдруг откладывает свою работу и принимается за литературное исследование, критическую статью, публицистику. Очевидно, в душе писателя всегда жива потребность высказаться по самым острым, наиболее важным вопросам современности, определить свое отношение к общественному сдвигу в жизни, проникнуть в творческую лабораторию собрата по перу и, что, быть может, самое важно – постичь себя, законы собственного творчества.

Писательская оценка явлений и событий всегда поражает емкостью и неординарностью. Он как бы пропускает сквозь собственную душу людские судьбы, постигает время, чувствует его нерв. Так что и публицистика, и критика – продолжение писательского труда, выражение другими средствами, в других формах творческих устремлений и интересов. Это, если хотите, вторая ипостась художника.

Вот и постоянный интерес азербайджанских писателей к народному эпосу, к творчеству ашугов и поэтов прошлого, к современным литературным процессам имеет глубокое художественное обоснование. Смысл такого совмещения творческих методов в том, чтобы, раздвинув рамки литературы, исследовать актуальные проблемы и процессы общественной жизни, попытаться решить их средствами художественно-публицистического анализа.

В новом сборнике критических работ Эльчина «Поле притяжения»*, выпущенном издательством «Советский писатель», автором затронута много проблем. Среди них я выделил бы по многим причинам одну – проблему родного языка, национальной культуры. И потому, что она всегда волновала Эльчина, и потому, что в наше время приобрела особую остроту, породила оживленную дискуссию, в которой принимают участие крупные писатели, ведущие специалисты.

Известно, что на протяжении длительного времени постоянно сужается сфера действия национальных языков. И в русскоязычных школах его изучают все реже, и самих национальных школ становится все меньше. Эта наиболее острая проблема долгое время загонялась внутрь. В период застоя о ней вообще не было принято говорить вслух, многие предпочитали делать вид, что ее не существует вовсе. Эта страусиная позиция нанесла большой вред развитию национальных культур, совершенствованию межнациональных отношений, породила такие крайности в психологии, сознании части людей, как национальный нигилизм и национальная нетерпимость.

К чести Эльчина надо сказать, что он и в те непростые годы всеми доступными ему средствами пробивался с этой темой на страницы печати, в том числе и всесоюзной. В этом смысле знаменателен диалог с тунисским

* Эльчин. Поле притяжения (Критика: проблемы и суждения), Москва, «Советский писатель», 1987.

писателем Мустафой аль-Фарси. Он хоть и посвящен, на первый взгляд, частному вопросу – роли родного языка, но по точности и афористичности формулировок, емкости изложенной в нем конструктивной программы поднимается до высокого уровня обобщений.

Участники диалога приходят к важному выводу – родной язык в наш век постоянно возрастающих межнациональных и международных контактов не только не утратил своих позиций, но в гораздо большей степени, чем когда-либо, расширяет свои функции, обретает и универсальные коммуникативные качества, и новые идеологические ценности. Посредством родного языка происходит осознание народом своего места в истории, в общественном развитии, необходимости сохранения культурных ценностей, народных традиций.

В беседе с Эльчином Мустафа аль-Фарси выходит еще на одну актуальную для нас проблему. Он убежден, что одним из важнейших условий прогресса народа является воспитание и формирование сильной национальной интеллигенции. В чем тут видится собеседникам проблема? Часть национальной интеллигенции европейски образованна, воспитана на мировой культуре, свободно владеет иностранными языками, но не привязана к национальной почве. Ей присущи черты космополитизма, национального нигилизма. Необходимо преодолеть отчужденность от родной культуры, языка своего народа, его истории, добиться синтеза национального и европейского, общемирового.

Как бы продолжением этого разговора является диалог с венгерским писателем Дюлой Чаком. Чак убежден, что основу общечеловеческого составляет национальное. Вне национального для писателя нет и не может быть поиска общечеловеческих ценностей. С ним солидарен и Эльчин: каждый писатель выражает не только себя, но и исторический опыт своего народа, его духовность, его культурные традиции. Писатель видит и ощущает мир как историю своего народа и мыслит о его будущем в контексте развития всего человечества.

Как видите, проблема соотношения национального и интернационального волнует всех. Она стала одной из самых актуальных в наше время. Ее бытование в практике подчас напоминает бушующее море. И курс в этом море страстей, противостояний и противоречий прокладывать непросто. Роль лоцманов история возложила на писателей. Их предназначение в том и состоит, чтобы властью своего таланта сблизить народы, добиться гармонии различных культур и традиций, соединить богатства языков.

Еще одна проблема, которая издавна волнует Эльчина, – преемственность культурных традиций народа. В частности, он задается вопросом: стоит ли писателю постоянно обращаться к творчеству М.Ф.Ахундова, Дж.Мамедкулизаде, Уз.Гаджибекова, Микаила Мушфига? Вроде бы все сказано о них – в монографиях, романах, фильмах и спектаклях. Вроде бы и не осталось «белых пятен» в описаниях их жизней и судеб. Но вопрос этот риторический. Нет, считает Эльчин, тема эта далеко не

исчерпана. И через пятьдесят, и через сто лет писатели, ученые вновь и вновь будут обращаться к незаурядным личностям этих творцов, к их произведениям, чтобы искать и находить в них вдохновение, приметы созвучия эпох, ответы на самые мучительные вопросы современности.

Эти беглые эльчиновские зарисовки тем и ценны, что каждый раз они, словно с помощью волшебного аппарата, приближают к нам через временные пласты великого человека и погружают его в современность, делают его нашим собеседником.

При этом читателя всегда ждут новые открытия. Вот М.Ф.Ахундов. Всем известен его хрестоматийный образ. Но, согласитесь, бунтарь, потрясатель основ, беспощадно разящий религиозных фанатиков, царских чиновников, местную знать, - новый взгляд на личность «первого драматурга Востока». И доказательства приведены бесспорные: «Гнет – это имя существительное. Субъект, производящий его, - «угнетатель», объект – «угнетаемый». Чтобы изжить гнет, который является существительным, нужны два условия: либо угнетатель должен перестать угнетать, либо угнетаемый не должен терпеть гнет». Это – М.Ф.Ахундов.

Таким же непримиримым борцом с косностью, религиозным фанатизмом, социальной несправедливостью предстает со страниц сборника Узеир Гаджибеков. Он, не знавший компромиссов в вопросах гражданственности, страстно звал свой народ к просвещению, постижению общечеловеческой культуры. Ему претил сам дух национальной ограниченности, замкнутости. Не это ли одна из причин того, что музыка Узеирбека завоевала почитателей во всем мире?

Есть в этом сборнике статьи, помеченные 1974-м, есть написанные в 1980-м, 1982 годах и только вот-вот вышедшие из-под каретки пишущей машинки. Среди них – раздумья о том, как трудно писать для детей. О соотношении правды и художественного вымысла в литературе. О больших писателях начала века и недавно ушедших из жизни. О молодой поросли азербайджанской литературы, ее исканиях.

Эльчин в своих суждениях и оценках зрит, как говорится, в корень. Решительно поддержит все талантливое, новаторское и столь же решительно осудит претензии бездарности, литературное приспособленчество, подделки тех, кто наделен одним «талантом» - умением ориентироваться на конъюнктуру. Эльчин – взыскательный критик. Он не приемлет принципа, по которому объекты критики делятся лишь на «просто приятных» и «приятных во всех отношениях», такой критики, которая научена говорить одни только комплименты и использовать в оценках превосходные степени. И в больших исследованиях своих, и в лаконичных заметках автор «Серебристого фургона», «Махмуда и Мариам» и «Белого верблюда» продолжает отстаивать свое художественное кредо, остается верным себе, своему призванию художника и гражданина – говорить читателю, народу правду.

КАРАВАН ИДЕТ В ГРЯДУЩЕЕ

*О романе Эльчина «Белый верблюд»**

Многие, даже близко знающие Эльчина, чуть ли не убеждены, что родился он в рубашке. Сын писателя Ильяса Эфендиева, сам писатель и общественный деятель, награды и звания, неубывающее внимание читающей публики и литературной критики, большие тиражи книг – в Союзе и за рубежом, мир и согласие в семье – вот вам и портрет эдакого баловня судьбы, кому фортуна явила лик всерьез и надолго. Времена, как известно, меняются, направления умов – тоже, мода и в литературе, куда тут денешься, капризна и преходяща. А Эльчина признали сразу и сразу же оценили. Блюстители чужой нравственности, проходящие по литературному ведомству, а их во все времена хватало и работу они себе добывали при любых обстоятельствах, в данном случае ни одного ярлыка так и не изобрели и ни в одном «изме» обвинить Эльчина не смогли. Как видите, и в наши дни может случиться такое...

Может, и правда не шутка, что родился в рубашке? Да вот как объяснить тогда, что если вчитаешься в книги писателя, особенно помеченные восьмидесятыми годами, в сердце ворвется тревога. Словно все мы остановились у порога беды, сам фон повествования трагический, и чуть ли не физически ощущаешь, как тяжело человеку, как бьется он в тенетах. Это не наигранная, простите, трагичность, не очередная буря в стакане воды, когда страсти рвут в клочья, а состава трагедии нет – как часто в последнее время нас пытались, пытаются встряхнуть, взбудоражить подобными завихрениями в литературе, на сцене и в кино. Нет, Эльчину незнакомо вот это стремление пощекотать читательские нервы леденящими кровью сценами жестокости, насилия. Сама наша жизнь такая, что крови в ней хватает, и гибельных сражений, и предательства, и горьких разочарований, и тут от писателя требуются сдержанность, чувство меры. Так это действует сильнее, во всяком случае совсем не для слабонервных весь рассказ о Соне и Гюльаге, муже ее, о том, как в убогой каморке своей остается Сона с глазу на глаз с Гюльагой, который сходит с портрета и как в счастливую пору их любви согревает душу надеждой, ощущением счастья. Не было у нее радости в жизни, и его судьба обделила счастьем, пока не встретились, не обрели друг друга.

А судьба в миг все перевернула, - Гюльага ушел на фронт, а ей пришла похоронка, и свет в глазах погас, и разум помутился, и в воспаленном воображении Соны возникла эта страшная в наготе своей картина: как живой, невредимый Гюльага сходит к ней с портрета. И еще горше на душе, и жить после этого уже не вмоготу, когда становишься свидетелем тихой

* Эльчин. Белый верблюд, Москва, «Советский писатель», 1990.

смерти тетушки Ханум в опустевшем доме – сердце устало ждать сыновей. Шестерых ведь проводила в пекло войны. Да и другие страницы «Белого верблюда», вроде бы благополучные, без надрыва и страданий, вовсе не принадлежат к таким, вспомните поэта, что предназначены, чтобы их, как цветочки с полян рвали после служебных тягот. И они в сущности о том, что бережит писательскую душу всегда – как тяжело людям в этом холодном доме, именуемом миром. Как трудно добывают они себе хлеб и обретают кров, как не защищены от посягательств на свободу свою, на честь и достоинство.

И хотя «Махмуд и Мариам» - о событиях далеких лет, а «Белый верблюд» - о годах минувшей войны, тоже по существу ставшей уже для нас историей, и одно это произведение, и другое – о дне сегодняшнем. И читатель на сей счет нисколько не сомневается, хотя ни там, ни здесь не найдешь о социальных катаклизмах в нашем обществе, о расколе, противостоянии, митингах, забастовках, залпах орудий. Так безошибочно проявился редкий дар Эльчина – предсказать, предвидеть события, его чувство исторической правды. Это необходимо сказать и потому, что и литература наша, и писатели, что их вовсе не красит, проглядели глубинные процессы в жизни народа, не почувствовали заранее надвигающейся бури, не подали сигнала тревоги. И для многих, для большинства из нас совершенно неожиданным оказался губительный всплеск шовинизма, экстремизма, а вместе с ними и насилия. А сигнал остановить и остановиться прозвучал вовремя. Вспомните кровоточащие страницы романа «Махмуд и Мариам» о том, как наперекор религиозному фанатизму и национальной нетерпимости шли навстречу друг к другу христианская девушка и юноша-мусульманин, и все-таки соединиться так и не смогли, и вы поймете, что этот трагический исход был предопределен, и это, как и многие события в романе, служат проекцией в наши дни, в наше с вами житье-бытье.

Маленький Алекпер в «Белом верблюде» недаром ведь стал писателем, в мыслях своих, в поисках гармонии и счастья для людей он устремлялся и в заоблачные выси. Я – журналист, фантазии мои все ближе к земле. Вижу, словно это было вчера, площадь перед Домом правительства поздней осенью 1988-го, сотни тысяч людей со всего Баку, со всех концов республики, на лицах, исполненных решимости и воли, отблеск костров, зажженных там и сям. И среди этой безбрежной массы людей наши общие с вами знакомые, только сейчас сошедшие в жизнь со страниц рассказов, повестей и романов Эльчина – Месмеханум и Мамедага, чистые сердцем, истосковавшиеся по душевному теплу, а рядом с ними Агабаба и Агабаджи, вечные труженики, отстоявшие и в пору крушения освещенных веками устоев и традиций чистоту и святость семьи. Уж на что тяжкие испытания устроила им жизнь, а не сошли они со своей тропы, и в мыслях не поступились ни разу достоинством своим, честью, не обьял их дух наживы. И был здесь участковый Сафар, человек в высшей степени справедливый и рассудительный, и в полном сборе оказалась вся махалля – Балакерим со своей свирелью, в такую пору лучше всего и напомнить людям о Белом

верблюде, о караване Белых верблюдов, направивших стопы в Грядущее. А война, словно старая карга, обломала все свои зубы, пытаясь одолеть сыновей тетушки Ханум, и жгла их огнем, и била железом, и топила в море, а им все нипочем, вот они собрались здесь все, на площади, Джафар, Адыль, Абдулали, Годжа, Джабраил и Агакерим. А сама тетушка, вы это знаете, не дожидая до судного дня, а то сердцем почувствовала бы в речах иных, слишком уж горячих натур, тревогу, и поспешила бы на помощь справедливому, отзывчивому на чужую беду человеку. Он оказал однажды и тетушке Ханум, и всех махалле неоценимую услугу, от того и правда была тогда найдена. А на добро надо всегда ответить добром.

Разные тут собрались люди, и разную искали они правду, а были и такие, кому правда вовсе и не требовалась, черные души и черные мысли могли породить только дух разрушения, но махалля собралась, упаси боже, не ломать, не крушить всех и все, не осквернять святыни, а задать один – всего один! – вопрос: до каких пор?

Война пощадила в махалле немногих, но то сотворили враги, а смерть и разрушение всему кварталу в нагорной части Баку несли и свои перевертыши, и трудно сказать, кто нанес урона больше – фашисты или доморощенные супостаты. И этот вопрос – доколе? – требовал недвусмысленного ответа. Почему медленно поспешает возмездие, почему меч правосудия еще не опустился на голову заплечных дел мастера – Мухтара и поэта-стукача Фатуллы Хатема. И какие еще жертвы должна принести махалля, чтобы зажить, наконец, как обещали ей много-много лет, а давали камень вместо хлеба. И чтобы там не вещали бойкие на слова витии, где бы ни искали истоки крамолы – у себя в доме или за «бугром», а сбрасывать со счета настроение махалли и ее обитателей, и их решимость и волю было бы ошибочным. И опасным.

«Белый верблюд» - роман, чем-то неуловимо напоминающий лоскутное одеяло, непременною часть постели бедняка на Востоке. Голь, говорят, на выдумки хитра. Одеяло из кусочков материи, но так ловко сработано, с таким чувством красоты, словно оно было богом заложено в душу мастера уже при зачатии. И вот чудо, вызывало такое одеяло восторг порой и больший, чем заморский плед в спальне кооперативного набоба. Новый роман Эльчина как бы сложен из новелл – одна рассказывает о несостоявшейся любви Годжи и Адили, другая – как тетушка Ханум вступилась за честь всего квартала и в конце концов посрамила обидчика. Они перемежаются притчами о женщине, матери, у которой на руках остался голодный младенец, а в чреве истосковавшейся по материнским сокам плод, встретившей Человека с Мягким Сердцем, и о том, что привело к войне между друзьями и братьями. Это своеобразное философское осмысление событий в романе, они очень органично входят в ткань повествования. Впрочем, эти новеллы правильней было бы назвать маленькими трагедиями, ведь сама объективная логика событий в них оказалась такой, что трагический исход меньше всего диктовался писательской волей, нет, его рукой вела правда жизни, а тут уж против ее законов и закона творчества

тоже не пойдешь. И вот эти, на первый взгляд разнохарактерные и в разных плоскостях нарисованные картины, имеют поразительное тематическое единство и внутреннюю гармонию, они представляют собой срез жизни отдельно взятого бакинского квартала, но сила обобщения тут такова, что воспринимается как красочная, многотемная диорама жизни всего народа. Меньше всего Эльчина тут упрекнешь в желании прибегнуть к ретуши, скорей, напротив. Свет и тени рембрандтовского толка, характеры укрупнены, и писатель не знает снисхождения, когда выносит свой вердикт.

Какая она, махалля, и что за люди ее населяют? Обычная, таких пруд пруди и в Ичери шехер, и в Раманах, и на Биби-Эйбате, Шемахинке, Ясамалах. Где человек не успел еще схорониться в бетонном бункере с лифтом и утепленным санузелом. Тесно – это да, удобств никаких, все у всех на виду, но это тот самый случай, когда есть нечего да жить весело. Махалля жила с достоинством, рублища свои напоказ не выставляла, если радость приходила в один дом, ее разделяли с ним все, и горе тоже было на всех одно. Но не станем лукавить, ангелами назвать их было нельзя. Хорошего в их натуре, слов нет, много, но и дурного хватало. Случается, соврут – не поморщатся, а то и кровать свою темной ночью перепутают с чужой. Уж на что прослыла на всю округу справедливой да щедрой тетушка Ханум, и не поест, чтоб не поделиться, и душевным словом ободрит, таких святыми называют, а и в ее душе был закоулок, где таились жестокость и подозрительность, и, попадись под горячую руку, так рубила сплеча, что не щепки летели – головы. Не ангелы, короче, но и не злодеи. Нас всех жизнь так долго мяла, уродовала, выворачивала наизнанку, нас всех так долго вела к правде и чести, а совсем в другую сторону, и поощряла тех, кто мать свою и отца готов предать, и брата сразить пулей и за понюшку табака сдать, так сказать, в компетентные органы соседа и друга, что сохранить себя в этой свистопляске было уже невозможно.

И это мудро, и гуманно, и в высшей степени справедливо, что писатель к черной краске, к саже прибегает только в редких случаях, он пытается докопаться до истины, найти истоки. Наверное, не так уж и подействовала на читателя история, как пьянчуга и бездельник Ибадулла цыганил-цыганил, да выцыганил все-таки у матери своей золотые десятки, припасенные на черный день, если бы вроде бы не очень существенный беглый штрих. После того, как непутевый сын исчез, в махалле нежданно-негаданно появилась его жена, о существовании которой никто и не подозревал, солидная женщина, может, даже учительница. Для нее это обернулось трагедией, она причитала: «Где он? Что вы с ним сделали? Ведь он пропадет без меня, как вы все это не понимаете? Где найти его, подскажите!» Оказывается, этот отвергнутый всем кварталом и матерью своей тоже, опустившийся человек, был любим, не исключено, и сам любил, и вся эта вроде бы немудреная житейская история вдруг как-то по-иному высветила характер махалли, ее нравственные устои. Судила она всегда строго и справедливости ей доставало. А доброты?

Вся эта жизнь увидена глазами ребенка, еще несмышлениша, у него оказалось не только доброе сердце, но и завидная память, с годами, став

писателем, обрел Алекпер счастливый дар сравнивать то, что запечатлелось в памяти, с тем, что есть сейчас, прослеживать повороты в судьбах людей. Он пришел к выводу, взвесив все за и против, что в махалле было больше доброты, чем озлобления, и душевной щедрости, чем черствости, и равнодушия, и верности в любви и дружбе, чем предательства, и что особенно важно, что возвышает махаллю в наших глазах и заставляет проникнуться к ней уважением, даже преклонением, это ее редкая способность судить самое себя, самоочищаться.

Мне было жаль расстаться с махаллей, в ней многое привлекает. Ее нравственная высота, непринятие зла, кривды. По секрету скажу, я хотел бы, все мужчины хотели бы, хоть раз в жизни получить от своих любимых письмо, исполненное такой пронзительной нежности, любви и восторга, какое послала Годже Адила. Да, за такими девушками нам, мужчинам, не грех и пешком отправиться аж на Луну. И уж бог знает, сколько грешных мыслей приходит всем нам в голову, когда ведет свою любовную игру озорная красавица Шовкет, такая раскованная в поступках и острая на язык.

Роман густо населен людьми. Быть может, самое большое его достоинство, что они не безлики, каждый знает свой маневр, ведет свою партию без фальши и сбоев. А все вместе являют собой народ. У него своя стать, свой нор, и рассказано о нем с такой достоверностью, что спутать его ни с кем нельзя. Азербайджан нынче на перепутье, и мы, читатели, явственно почувствовали писательскую боль из-за того, что жизнь народа еще не устроена, тяготы жизни мешают ему подняться во весь рост, показать всему миру, на что способны.

Верит ли Эльчин в счастливую судьбу родного края? О, да, иначе и не стоило бы огород городить, взывать к нашему разуму и совести, призывать к действию. Верит, но испытывает сомнения, и тут, поверьте, нет никакого противоречия. Непредсказуемо ведь само время, в котором живем, и даже сам Белый верблюд может сотворить такое, что уму-разуму непостижимо. Недаром ведь Балакерим под звуки свирели приговаривал:

Внутри бани черт те что
 Внутри соломы решето
 Верблюд бороду побреет
 Баня бедного согреет...

1990 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

«Наши земляки» - впервые опубликована в газете «Баку»,
11 августа 1977 г.

«Читать в сердце» - впервые опубликована в газете «Баку»,
3 мая 1979 г.

«Личный мотив писателя» - впервые опубликована в газете «Баку»,
14 января 1982 г.

«Бремя страстей человеческих» - впервые опубликована в газете
«Баку», 15 февраля 1985 г.

«Две ипостаси писателя» - впервые опубликована в газете
«Бакинский рабочий», 18 января 1989 г.

«Караван идет в грядущее» - впервые опубликована в газете «Баку»,
31 октября 1990 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Продолжение открытия (А.Гинзбург)	4-6
Наши земляки	8-10
Читать в сердце	11-14
Личный мотив писателя	15-18
Время страстей человеческих	19-22
Две ипостаси писателя	23-25
Караван идет в грядущее	26-30
Примечание	31